

Писатели в эпоху перемен: Ранняя империя глазами
Ювенала и Марциала

Мария С. Ульянкина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ulmaria375@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена вопросам литературной перцепции политических и социокультурных трансформаций в Римской империи второй половины I – начала II вв. н.э. на примере сатирических произведений Ювенала и Марциала. Данный период характеризуется процессом распада полисного отчуждения частной жизни римлянина от интересов традиционного римского гражданского коллектива, что проявлялось в самых разных сферах жизнедеятельности – от изобразительного искусства до судебной практики. Образованные жители Рима, в частности поэты Ювенал и Марциал, ощущали несоответствие между устоявшимися вековыми моделями и имперскими сдвигами и отвечали на него в духе морализаторского пафоса. Оба писателя изображали Рим критически: для них он стал местом, где царит жажда наживы, не почитается родовое достоинство, расцветает подхалимство, доносительство и сексуальные девиации. Ювенал и Марциал не просто схожим образом воспринимали приметы нового времени, но и вступали в непосредственный творческий диалог друг с другом. В ходе этого обмена репликами обнажился еще один дискурс, важный в контексте осмысления текущей социокультурной конъюнктуры: мотив эскапизма, призывающий оставить мирские хлопоты и городскую жизнь во имя деревенской пасторали и творческих занятий.

Ключевые слова: древнеримская литература, Ранняя империя, историческая репрезентация, Ювенал, Марциал

Для цитирования: Ульянкина М.С. Писатели в эпоху перемен: Ранняя империя глазами Ювенала и Марциала // Молодой историк. 2026. № 1. С. 23-35.

Writers in an era of change: the early empire through the eyes of
Juvenal and Martial

Maria S. Ulyankina

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, ulmaria375@gmail.com

Abstract. The article focuses on the literary perception of political and socio-cultural transformations in the Roman Empire in the second half of the 1st century and the early 2nd century AD, using Juvenal's and Martial's satirical works as an example. The period was characterized by the disintegration of the polis and the alienation of the Roman citizen's private life from the interests of the traditional Roman civil community, which manifested itself in various aspects of life, from visual arts to legal practice. Educated residents of Rome, poets Juvenal and Martial among them, felt discrepancy between the established age-old models and the imperial shifts, responding to it with a moralizing tone. Both writers portrayed Rome in a critical way, seeing it as a place where greed prevailed, ancestral dignity was disregarded, and sycophancy, denunciation, and sexual deviations flourished. Juvenal and Martial shared similar perception of the new era, and engaged in a direct creative dialogue with each other. Their exchange of ideas revealed one more discourse, that is important in the context of understanding the current socio-cultural situation, the theme of escapism, which encourages individuals to leave worldly concerns and urban life in favor of rural pastoralism and creative pursuits.

Keywords: Ancient Roman literature, Early Empire, historical representation, Juvenal, Martial

For citation: Ulyankina, M.S. (2026), "Writers in an era of change: the early empire through the eyes of Juvenal and Martial", *Young Historian*, no. 1, pp. 23-35.

В последнее время в исторической науке все чаще звучит тема многочисленных репрезентаций – образов событий, эпох и лиц в отражении нарративных и визуальных источников. На первый план в подобной оптике выходит не попытка фактической реконструкции, но выявление особенностей в процессе и результате перцепции того, что мы называем исторической реальностью: важно не столько само прошлое, сколько способы взаимодействия с ним – реакции, оценки, контекстуальные отсылки. Различные варианты репрезентаций могут создаваться как современниками событий, так и последующими поколениями. В данном случае нас будет интересовать, как образованные римляне ощущали и репрезентовали трансформации в социальной стратификации, властных структурах и культурных паттернах второй половины I – начале II вв. н.э. Так, статья призвана ответить на вопрос: как Ювенал и Марциал, современники социокультурных реалий Ранней империи, осмыслили общественные явления в литературе сатирического характера?

Прежде всего необходимо упомянуть о тех изменениях и тенденциях, которые в исторической науке обозначаются как трансформации раннеимперского времени. В этот период существенно меняется конфигурация власти. В течение I–II вв. н.э. наблюдается процесс складывания новой системы властных институтов и перераспределения полномочий между традиционно существовавшими римскими учреждениями и установлениями. Так, изменяется положение сената. С одной стороны, его роль увеличивается по мере угасания значимости народного собрания для политической жизни Рима. Уже при императоре Тиберии выборы магистратов производят сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле. С другой стороны, функционал сената и сфера его юрисдикции в управлении государством уменьшались по мере расширения компетенций принцепса и укрепления императорского бюрократического аппарата [Сергеев 1999, с. 42].

Многовековые республиканские магистратуры сохранялись, оставались действительными, однако сосредоточием верховной власти стала фигура императора. Особые властные привилегии принцепса институционально оформлялись предоставлением ему пожизненной трибунской власти, звания верховного жреца

и бессрочного проконсульского империя. Эдикты, издаваемые принцепсом были обязательны для исполнения, и по мере укрепления императорской власти стали приобретать силу законов. В юрисдикции принцепса находились внешняя политика, чеканка золотой и серебряной монет, назначение военачальников. Император имел возможность влиять (благодаря своим цензорским полномочиям) на состав сената путем исключения из него определенных людей или включения нужных ему лиц в разряд промагистратов, даже если они не отправляли никакой магистратуры. Изменились и способы символической репрезентации власти: при Тиберии фиксируются сдвиги в правоприменении древнего закона об оскорблении величия римского народа (*lex laesae maiestatis*). Главным объектом его защиты стал принцепс [Вержбицкий 2003, с. 9].

Таким образом, в эпоху принципата в социально-политическом смысле происходило перераспределение прав и возможностей от традиционной римской родовой аристократии в пользу тех, чей новый статус был связан непосредственно с волей императора и императорской властью. Новое положение вещей вызывало сопротивление со стороны прежнего сенаторского сословия. В историографии сложился такой концепт, как «стоическая оппозиция»: в середине и во второй половине I в. н.э. многие представители знати, в той или иной степени противостоявшие принцепсу, придерживались учения стоиков – морализаторского и обращаящегося к консервативным римским устоям [Sullivan 1985, p. 115].

Г.С. Кнабе, чьи идеи задали теоретическую рамку для данной статьи, смотрит на трансформационные процессы эпохи принципата через социокультурную оптику. Так, описанные выше изменения во властных структурах, политической жизни и социальных отношениях являются для него внешним выражением магистрального процесса раннеимперской истории – общего разложения традиционной системы ценностей, ориентированной на примат гражданской идентичности в самых разных сферах жизни коллектива – от философских доктрин до судебной практики, от изобразительного искусства до городской топографии. Так, например, меняются сами основы привычных для

римского общества социальных отношений – судебных обязательств патрона: ораторское искусство в этом смысле становится профессией, помощь, вне зависимости от традиционно устоявшихся связей и кланов, может быть оказана любому за денежное вознаграждение [Кнабе 1997, с. 70]. Патриархальная обязанность превратилась в индивидуальную услугу, базирующуюся на деловых принципах. Это знак «отчуждения» индивида от забот и ценностей гражданской общины, требующей участия человека в общественной жизни в силу приверженности традиции.

Вместе с тем эллинистическая проницаемость стенок прежних микро- и макроколлективов сделала римское пространство более космополитичным, увеличивается мобильность. С одной стороны, римские граждане оказываются рассеянными по провинциям. С другой – сама столица становится культурно пестрым местом, населенным выходцами из различных уголков империи: усваивая латынь, они приносили с собой искусство, культы, элементы повседневного поведения, делающие Рим мозаичным и открытым к новым культурным моделям и образцам [Treggiari 1996, p. 901]. Здесь была бы уместна аллегория традиционного римского полиса как треснувшей яичной скорлупы – прежние ценности больше не могли выдерживать этого натиска, давления как изнутри, так и снаружи.

Разумеется, ощущение несоответствия между консервативными политическими, социальными и культурными паттернами и наблюдаемыми процессами не могли не отразиться в древнеримском литературном наследии. Так, иронические и саркастические в своей стилистике произведения Ювенала и Марциала основаны на морализаторском пафосе: лейтмотивом их литературного творчества стало падение нравов, связанное с масштабными переменами в социальной структуре древнеримского общества. Главным объектом нападок становятся «разбогатевшие выскочки» или те, кто стремятся разбогатеть любыми методами [Дуров 1994, с. 9]. Очевидно иронизируя насчет того, что отсутствие культа денег (наравне с почитанием традиционных римских добродетелей) – досадное недоразумение, Ювенал

выступает в этом отношении еще и голосом родовой аристократии, традиционной политической элиты римского общества:

...sacro ne cedat honori
 nuper in hanc urbem pedibus qui venerat albis,
 quandoquidem inter nos sanctissima divitiarum
 maiestas, etsi funesta pecunia templo
 nondum habitat, nullas nummorum ereximus aras...

...не должен же нам уступать в священном почете
 Тот, кто недавно был в Рим приведен
 с ногой набеленной,
 Раз между нами священной всего – величие денег.
 Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,
 Мы не воздвигли еще алтарей,
 и монетам не создан культ...
 (Iuv. Sat. I. 110–114; пер. Д.С. Недовича)

Albus (белый) – в данном контексте раб, то есть человек, выставленный на рынок с набеленной ногой как с маркером его несвободы. Ювенал саркастически уравнивает социальный статус недавно разбогатевшего вольноотпущенника с престижем родовитого сенаторского сословия и таким образом подчеркивает ужасающее для сатирика неуважение к ранее почитаемому благородству. Потомки троянцев, т.е. знатнейших и старейших родов, обивают пороги (Iuv. Sat. I. 100), поэтому пурпурная лента на тоге сенатора – символ его власти и достоинства – больше ничего не значит (Iuv. Sat. I. 105).

Богатство, возвышающее даже бывших рабов, зачастую достигается не самым честным путем. Сатирик изображает плеяду безнравственных охотников за роскошью как бич современности: в Риме Ювенала соседствуют опекун, разоривший своего подопечного (Iuv. Sat. I. 46–47), Проклей и Гилл, прислуживающие старым, но обеспеченным женщинам (Iuv. Sat. I. 38–40), толпы заискивающих перед богачом и ожидающих по этому поводу наследства (Iuv. Sat. I. 145–146).

Еще один бесчестный способ разбогатеть – доноительство. Ювенал упоминает доносчика в числе других ярких портретов и примет эпохи:

Post hunc magni delator amici
et cito rapturus de nobilitate comesa
quod superest...

...позади же – доносчик на друга
Близкого, быстро хватающий все,
что осталось от крахов
Знатных людей...
(Iuv. Sat. I. 33–34; пер. Д.С. Недовича)

Любопытно, что не последнее место в цветущей культуре доносов, по мнению Ювенала, занимает изменившаяся юрисдикция императора, масштабы его власти и влияния, провоцирующие доноительство как легкий способ подняться в социальной и властной иерархии за счет сенаторской знати. Этот порок имеет свою персонификацию в лице Домициана, осмеянного Ювеналом в четвертой сатире. Сюжет состоит в следующем: огромная камбала, пойманная на краю империи случайным рыбаком, оказывается на столе у Домициана, по поводу чего правитель собирает совет, должный решить, как поступить с рыбой. Здесь тема расцветающего доноительства раскрывается более подробно:

destinat hoc monstrum cumbae linique magister
pontifici summo. quis enim proponere talem
aut emere auderet, cum plena et litora multo
delatore forent? dispersi protinus algae
inquisitores agerent cum remige nudo,
non dubitaturi fugitivum dicere piscem
depastumque diu vivaria Caesaris, inde
elapsum veterem ad dominum debere reverti.
si quid Palfurio, si credimus Armillato,
quidquid conspicuum pulchrumque est aequore toto,

res fisci est, ubicumque natat

Диво такое хозяин челна и сетей обрекает
 Домициану: ведь кто бы посмел продавать это чудо
 Или купить, когда берег – и тот был доносчиков полон!
 Сыщики, скрытые в травах прибрежных, затеяли б дело
 С тем рыбаком беззащитным;
 не совестно было б сказать им,
 Что, дескать, беглая рыба была и долго кормилась
 В цезарёвых садках, удалось ускользнуть ей оттуда, –
 Значит, к хозяину прежнему ей надлежит и вернуться.
 Если мы в чем-либо верим Палфурию иль Армилату,

–
 Все, что найдется в морях красивого, видного, – это
 Фиска предмет, где ни плавал бы он
 (Iuv. Sat. IV. 45–55; пер. Д.С. Недовича)

В этих строках прячется ирония по отношению сразу к двум явлениям. С одной стороны, Ювенал акцентирует внимание на том, что в беспокойное домицианово время доносчики в жажде собственной наживы подстерегали на каждом углу, с другой – сатирика возмущает претензия императорской юрисдикции на безграничную власть. В данном случае рыба как незаметный, малозначимый объект усиливает комический эффект, высмеивает притязания, превращая их в мелочность.

В той же сатире вновь содержится грустная ирония по поводу того, в каком положении оказалась при Домициане сенаторская элита. Речь идет и об унижении благородного достоинства, и об угрозе физической расправы. Из всех портретных зарисовок окружения императора симпатию вызывает только Крисп – оратор, оказавшийся среди возвысившихся вольноотпущенников и вынужденный прятать свой талант и мудрость во имя сохранения собственной жизни. В третьей сатире есть и прямой намек на стремление Домициана избавиться от прежней политической элиты насильственным путем:

...sed olim
 prodigio par est in nobilitate senectus,
 unde fit ut malim fraterculus esse gigantis.

...Но стала давно уж
 Чуду подобной старость людей благородного звания,
 Я б предпочел быть маленьким братом гиганта без
 предков!
 (Iuv. Sat. IV. 96–98; пер. Д.С. Недовича)

Расцвет творчества Ювенала пришелся на годы правления императора Траяна, поэтому серию литературных нападок на политическую культуру и нравы домицианова времени (81–96 гг. н.э.) сатирик создает уже после смерти Домициана. Д.С. Дуров объясняет возросшую активность Ювенала следующим: репрессии в отношении сенаторов, которые стали частью политической культуры в годы правления Домициана, прекратились, начинали проводиться мероприятия по борьбе с доносом, между императором и сенатом сложилось согласие. Таким образом, те, кто не могли открыто высказывать свои симпатии и антипатии под страхом смерти, наконец получили возможность творить: о себе заявили писатели, которые при Домициане хранили молчание. Полноправно вышли на литературную арену и приобрели популярность Тацит, Плиний, Светоний и, непосредственно, Ювенал [Дуров 1994, с. 7].

Есть ли у Марциала подобные открытые высказывания о текущей политике? На первый взгляд этот поэт занимает противоположную Ювеналу позицию в отношении Домициана: он посвящает императору восьмую книгу своих эпиграмм, прославляя в ней самые разные стороны его правления. В то же время, когда внешняя политическая конъюнктура меняется, Марциал позволяет себе критику в сторону Домициана и восхваляет Нерву:

Largiri, praestare, breues extendere census
 et dare quae faciles uix tribuere dei,
 nunc licet et fas est. Sed tu sub principe duro

temporibusque malis ausus es esse bonus

Щедрость, защита друзей,
умножение скудных доходов,
Да дары, что едва божия милость дает,
Разрешены и законны. Но ты и под властью суровой
Даже в тяжелые дни смел благодетельным быть
(Mart. Epigr. XII. 6. 9–12; пер. Ф.А. Петровского)

В этом смысле Марциал сторонится острой политической тематики, его гораздо больше занимают бытовые зарисовки, но основные сюжеты в его эпиграммах те же, что и у Ювенала – поклонение богатству (Mart. Epigr. XII. 53), подхалимство (Mart. Epigr. VIII. 27), воровство (Mart. Epigr. VI. 72), сексуальная распущенность (Mart. Epigr. VI. 90). Однако гораздо важнее здесь оказывается еще один объединяющий поэтов мотив, который стоит считать следствием обрисованной ими социальной и культурной картины. И в эпиграммах Марциала, и в сатирах Ювенала присутствует дискурс избавления от мирских забот, шума городских улиц, форумов, присутственных мест.

Так, Ювенал целиком посвящает третью сатиру рассуждениям о том, почему в его время стоит выбирать жизнь в уединении в маленьком городе: большую роль в этом играют именно социальные факторы – бедность, соседствующая с показной роскошью, унижение перед бывшими рабами ради достойной жизни, воровство и спесь (Iuv. Sat. III. 180–189).

Марциал же предлагает некоему Титуллу отказаться от всего профанного во имя настоящей жизни, мирское отождествляется с пустым:

Titulle, moneo vive: semper hoc serum est;
sub paedagogo coeperis licet, serum est.
At tu, miser Titulle, nec senex vivis,
sed omne limen conteris salutator
et mane sudas urbis osculis udus,
foroque triplici sparsus ante equos omnis
aedemque Martis et colosson Augusti

curris per omnis tertiasque quintasque.
 Rape, congere, aufer, posside: relinquendum est.

Титулл, живи! Поверь мне: жить всегда поздно;
 Пусть и при дядьке начал ты, и то поздно.
 А ты под старость даже не живешь, жалкий,
 И обиваешь все пороги ты утром.
 Вспотев, от поцелуев Рима весь мокрый,
 По форумам ты трем, у конных всех статуй,
 У Августа колосса, Марсова храма
 От трех до пяти часов снуешь грязный.
 Хватай, копи, воруй, владей – и все даром...
 (Mart. Epigr. VIII. 44. 1–9; пер. Ф.А. Петровского)

Произведения Ювенала и Марциала не просто содержат тематические пересечения, но вступают в непосредственный диалог друг с другом: в непривычной для себя описательной манере Марциал адресует Ювеналу поэтическое послание, в котором противопоставляет шумные улицы Рима пасторальным картинам из провинциальной Бильбилы (Mart. Epigr. XII. 18). Необычным выглядит то, как в той же эпиграмме Марциал хвалится возможностью отказаться от ношения тоги – гражданской одежды, соотносящей римлянина с коллективом и набором привилегий гражданина. Собственно, это еще один из сигналов того «отчуждения», о котором говорилось выше. Акцент на «заставляющей потеть тоге» (Mart. Epigr. XII. 18. 5) позволяет интерпретировать эпигramму не как простую зарисовку на тему сельского отдыха, но как сознательный выбор иного стиля жизни, в котором личное спокойствие почитается как ценность.

Таким образом, стоит обозначить следующие тенденции в восприятии раннеимперских трансформаций образованными римлянами. Такие римские интеллектуалы рубежа I–II вв. н.э., как Ювенал и Марциал, подчеркивали в своих произведениях изменения социокультурного и гражданского характера в жизни Рима и изображали их преимущественно в темных тонах разрушения прежнего нравственного и социального порядка. Рим Ювенала и Марциала представляет собой место социальной и

политической турбулентности. Реакцией писателей на общественные трансформации стал возникший в эпоху принципата дискурс о прелестях отказа от столичной жизни, полной интриг, коварства и унижений.

ЛИТЕРАТУРА

- Вержбицкий 2003 – *Вержбицкий К.В.* Правление императора Тиберия (14–37 гг. н.э.): власть и общество в Риме в эпоху ранней империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2003. № 2. С. 3–11.
- Дуров 1994 – *Дуров Д.С.* Сатиры Ювенала // Децим Юний Ювенал. Сатиры. СПб.: Алетейя, 1994. С. 5–18.
- Кнабе 1997 – *Кнабе Г.С.* Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 66–78.
- Сергеев 1999 – *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков: Майдан, 1999. 224 с.
- Sullivan 1985 – *Sullivan J.P.* Literature and politics in the age of Nero. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 218 p.
- Treggiari 1996 – *Treggiari S.* Social status and social legislation: the impact of the Principate on society // The Cambridge Ancient History. Vol. 10: The Augustan Empire, 43 BC–AD 69. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 873–905.

REFERENCES

- Verzhbitskiy, K.V. (2003), “Pravlenie imperatora Tiberia (14–37 gg. n.e.): vlast i oshchestvo v Rime v epohu ranney imperii”, *SPBGU Bulletin*, no. 2, pp. 3–11.
- Durov, D.S. (1994), “Satyry Juvenala”, In *Detsim Juniy Juvenal. Satyry*, introduction by Durov, D.S., translated from Latin by Nedovich, D.S., Petrovsky, F.A., Aleteya, St. Petersburg, Russia, pp. 5–18.
- Knabe, G.S. (1997), “Metafizika tesnoty. Rimskaya imperiya i problema otchuzhdenia”, *Journal of Ancient History*, no. 3, pp. 66–78.

- Sergeev, I.P. (1999), *Rimskaya imperiya v 3 veke nashey ery. Problemy sotsialno-politicheskoy istorii* [The Roman Empire in the 3rd century AD. Problems of socio-political history], Maidan, Kharkiv, Ukraine.
- Sullivan, J.P. (1985), *Literature and politics in the age of Nero*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Treggiari, S. (1996), “Social status and social legislation: the impact of the Principate on society”, In *The Cambridge Ancient History*, vol. 10: The Augustan Empire, 43 BC–AD 69, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 873–905.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария С. Ульянкина, студентка магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; ulmaria375@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Maria S. Ulyankina, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ulmaria375@gmail.com